

## Андрей Тильга

### Кавказ

*Когда едешь на Кавказ,  
Солнце светит прямо в глаз.  
Возвращаешься в Европу –  
Солнце светит прямо в другой глаз.*

Летом 1963 года директор нашей школы №17 Смирнов Аркадий Александрович удивил тем, что персонально пригласил меня в поездку на Кавказ. То есть он сам набрал команду (человек восемь или десять), собрал наших родителей и всё с ними решил. Параллельно его друг, директор другой школы, набрал такую же команду, и мы вместе поехали поездом через всю страну. Я не всех пацанов и девчат помню, ни с кем не имел связи, забыл номер другой школы, имя-отчество её директора, почти забыл его фамилию. Как вдруг...

Пару месяцев назад мой одноклассник Александр Гройсман, живущий в Нью-Йорке, в переписке вскользь упомянул о случайной встрече с Виталием Левенталем – учившемся на физфаке НГУ на год младше нас и ставшем впоследствии знаменитым автором американско-русских словарей и учебников. Я моментально вспомнил, что этот пацан жил в нашей общежитии за стенкой, и что он, кажется, – сын того самого директора. Мы не очень-то общались (припоминаю одно или два совместных чаепития), но я отлично помню такую деталь. Этот Виталий выглядел весьма элегантно и внушал доверие – и умело пользовался этим. Если мы с моим братом Саней ездили «зайцами» на поезде, то Виталий – летал самолётом. Схема такая: покупал льготный билет до Омска на рейс до Москвы, в Омске выходил, но при посадке опять возвращался в самолёт под видом транзитного пассажира. Так было несколько раз: облетел «всю страну».

Я попросил Александра переслать Виталию моё письмо с просьбой выяснить, точно ли из Новокузнецка сам Виталий, и если да, то как звали его отца и директором какой школы он был? Александр выполнил мою просьбу, но выразил сомнение, «что будет какая-нибудь реакция». Но Виталий мне написал, цитирую:

«Андрей, все так, я из Новокузнецка. Мой отец действительно был директором школы, Иосиф Давидович Левенталь. Про лето 63-го я уже не помню, поступал в ФМШ тогда. Поразительно – вся техника полетов зайцем правильно изложена. Увы, при нынешних нравах это в принципе невозможно; да и вид уже не столь элегантен» – конец цитаты.

Приятно было получить быстрый ответ, но вопрос о номере школы он проигнорировал – даже после повторного обращения.

Дорога

Но вернусь к лету 1963 года. Детали первых дней поездки помню в общих чертах: мы, очевидно, знакомились; выявлялись какие-то симпатии; над кем-нибудь подшучивали. Пацанов и девочек было примерно поровну. Отчётливо запомнил очень немногих: из нашей школы – только Вовку Чибисова, соседа по подъезду; вот будет позор, если участвовал кто-нибудь из моего класса, а я забыл! Из другой школы хорошо помню двух девочек: Таню Ф. и Женю Ч. Был ещё один пацан – рыжий, честный, влюблённый – но его имени и в кого он был влюблён, уже не вспомню.

Про девочек Таню и Женю скажу пару слов. Обе благополучно миновали полосу подростковой неуклюжести: им было лет по 15 или чуть больше. Но глаза у обеих светились умом, и поэтому девочки выглядели постарше (да дело даже не в глазах: в

моём тогдашнем возрасте красивые девочки казались умными, а умные казались старше, чем были на самом деле; почему? – не знаю!).

Женя – миниатюрная яркая (безо всякой косметики!) брюнетка с короткой стильной стрижкой. Вся какая-то дёрганная: то ли наше общество ей не нравилось, то ли эта поездка была не по ней и нарушила её личные планы. А может, её томило замкнутое пространство вагона? В Ереване она почувствовала себя вольнее, но об этом позже.

Таня: тёмные волосы, аккуратно прибранные по строгим школьным требованиям – даже в каникулы, светлые глаза, нежная кожа, ямочки на щеках, яркие губы. Юная женственность сочеталась с доброжелательностью, и мне очень хотелось считать её своей сестрёнкой. Почему не больше? – просто в тот период... ну, неважно!

В вагоне не так уж много вариантов общения; и основной – это общие разговоры. Пацанам выпадает возможность проявить себя, но у каждого получается по-своему: один едва может преодолеть косноязычие, другой заливается соловьём; кто-то произносить банальности, а иной едва справляется с привычкой к ненормативной лексике. Женя либо оставалась подчёркнуто равнодушной, либо откровенно фыркала и уходила подальше. Иное дело Таня: она была внимательна и мимикой реагировала на все нюансы; глядя на неё, было ясно: это умно, а то забавно, это никуда не годится, а то рано судить, надо прежде обдумать.

Быстро «проскочили» азиатскую часть пути; я только и успевал замечать знакомые реки и города<sup>1</sup>: вот Иртыш – значит, это Омск; а вот Ишим и Петропавловск, и на перроне его вокзала – знакомое с детства развесное мороженое; а вот и Курган, в котором часто приходилось бывать в гостях у бабушки. Мост через Тобол, а под мостом – старица с омутами, в одном из которых я однажды тонул, но выплыл самостоятельно. Улица Коли Мяготина, позади которой – старое кладбище с могилкой бабушки, а мимо кладбища – короткая тропа к дедушкиному дому. А дальше, за Курганом, незнакомые места.

Первое новое визуальное впечатление – Волга: ширина и обилие текущей воды попросту неправдоподобны, но мы ещё не видели моря! Волгоград: город неожиданно растянулся вдоль берега на несколько десятков километров. Канал Волга – Дон: контраст между строгими линиями инженерных сооружений и триумфально-аляповатыми архитектурными излишествами; впрочем, к подобному декору мы за годы пионерского детства и комсомольской юности привыкли и диссонанса не видели.

Первое тактильное ощущение поездки (до этого были только визуальные) – Чёрное море! Поезд сделал остановку, не доезжая Сочи, «в чистом поле» – точнее, вблизи морского берега. Мы возбуждённо поглядывали на довольно-таки близкую воду, пока не стало от кого-то известно о достаточно продолжительной остановке. Тут нас не удержать! Кинуться с насыпи, не разбирая дороги, чуть ли не с обрыва, на ходу стаскивая с себя рубаху и майку, а у берега – штаны, очки и сандалии. И сходу в воду! Крики, солёная вода, выталкивающая тело на поверхность – и в темпе на берег, поддёргивая сползающие трусы; обувь на ноги, одежду в охапку, бегом к вагону – и гордо пройти в прилипшей одежде, приглаживая мокрые волосы. Девочки к неожиданному купанию оказались не готовы и смотрели со смешанным чувством досады и восхищения.

Спустя 32 года, впервые попав за границу, я вспомнил своё первое свидание с морем. Нас возили из Лондона на строительство Евротоннеля, и часть обратного пути шла вдоль Северного моря. Удивительным образом близость берега незнакомого

---

<sup>1</sup> Обь и Новосибирск мы проспали.

моря и крутизна спуска к нему показались очень похожими на те, что запомнились с 1963 года. И мне так захотелось хотя бы руки омочить в солёной воде, что я преодолел смущение и попросил остановить наш минивэн. Вроде бы взрослый уже человек, а сердце билось учащённо...

После всплеска эмоций от морского купания наступил неизбежный спад настроения, который пришёлся как раз на город Сочи. Ну, здание вокзала; ну, пальмы... Моря почти не видно, города тоже – ничего запоминающегося.

На какой-то станции мы пересели на другой поезд, и он круто свернул от морского берега вглубь Кавказа. «Нейтральная полоса» В.Высоцким ещё не была спета, а мы из окна вагона уже видели «границу с Турцией или с Пакистаном» – с Турцией, конечно, по реке Аракс. «Наши пограничники» хорошо замаскировались, их вовсе не было видно; а на другой стороне реки «ихние посты» были как на ладони: вышки, а на вышках – по автоматчику. Наши зоркие мальчишеские глаза выискивали цель «во вражеской обороне» и, кажется, находили – во всяком случае, разговоров на эту тему хватило на полдня. Несколько смущало то, что между редкими, в общем-то, вышками близко к реке подходили деревеньки и поля, а в полях – люди, которые вполне мирно приветствовали наш поезд.

## Ереван

Посреди турбазы росла развесистая шелковица, с которой по мере созревания сами собой осыпались тутовые ягоды неопределённого бледного цвета. И разбивались, оставляя на неровном асфальте малосимпатичные мокрые пятна. Мы сорвали для пробы те, что ещё не упали – ничего хорошего, по вкусу отдалённо напоминают нашу подзаборную бзднику (паслён). И вот на полдник нам дали по блюдцу тутовых ягод – как будто мы сами не могли их нарвать, если б захотели. Меня чуть не стошнило.

Ереван обладает безусловным своеобразием благодаря розовому туфу, которым отделаны практически все здания – не только многоэтажные в центре, но и частные дома на окраине, вплоть до гаражей и сараев. Ну, и очень хорошо: повезло армянам иметь недорогой и симпатичный отделочный материал. Много лет спустя в Алма-Ате вошла в моду облицовка зданий мангышлакским ракушечником. Первые пару лет такие здания смотрелись почти наравне с ереванскими, но потом быстро серели. Возможно, секрет в том, что в Ереване стены периодически пескоструили, а в Алма-Ате либо не догадались пескоструить, либо ракушечник не годится для этой жёсткой процедуры. Ну, теперь-то всё заменили керамогранитом да китайским алюкобондом.

Главная достопримечательность Еревана и его символ – гора Арарат. Её снежная вершина, как бы висящая в воздухе, видна практически из любой точки города. Парадокс в том, что Арарат не просто далеко от города: он находится в другом государстве – в Турции.

Город Ереван, в общем-то, невелик, и наши пешие экскурсии длились недолго. Но мы успели усвоить, что от местных уличных торговцев бесполезно ждать сдачу: платишь за стакан газировки хоть 5 коп., хоть 20 коп. – и гуляй Вася! Впрочем, на каждом углу установлены фонтанчики с бесплатной питьевой водой – якобы, «второй после Сан-Франциско».

А по вывескам мы пытались выучить армянский алфавит, и нам удавалось, как минимум, написать по-армянски свои имя и фамилию. Кое-кто пытался сочинять девочкам записки на армянском языке. И в этом охотно помогали желающим местные ребята нашего возраста, но неопределённого статуса: то ли, как мы, туристы, но

только местные, то ли добровольные помощники штатных экскурсоводов, то ли просто пришли с улицы поглазеть на русских девочек. Наш статус относительно девочек тоже был неопределённым, то есть девочки формально не признавали нас кавалерами и не уполномочивали «защищать». Но мы интуитивно брали на себя роль их старших братьев и в какой-то мере сдерживали натиск южных сверстников – вполне половозрелых. Мы также подшучивали над наиболее доверчивыми писаками, удерживая их от использования в эпистолах подсказок неизвестного содержания...

Но не всех девочек устраивала наша опека: Женя отошла после поезда и проявляла готовность пофлиртовать с местными; кажется, что-то у неё получалось в этом плане.

Скульптура Давида Сасунского на коне, конечно, впечатляет богатырскими размерами и всё такое, но патриотизм местного экскурсовода даже нам, школьникам, показался нарочитым и преувеличенным – короче говоря, своими разглагольствованиями он нам надоел. И мы были рады узнать, что другой гид покажет нам окрестности Еревана.

Есть так называемый «капотный» автобус, то есть с выступающим вперёд «носом» и с особым рычажным механизмом, с помощью которого водитель, слегка наклоняясь со своего сидения, правой рукой открывает и закрывает дверь. Такие автобусы, выпускаемые Курганским заводом, оказались как нельзя лучше приспособленными для горных дорог. Во всяком случае, на Кавказе нас возили именно на них. Каждый водитель украшал свою машину бахромой, флажками, висялками и неизменным портретом И.В.Сталина – в Сибири эта мода появилась с бо-ольшим опозданием.

Мы заранее наслушались про лихих кавказских водителей и имели возможность убедиться в их виртуозности. Сейчас-то я понимаю, что гораздо более важным было отвратительное состояние горных дорог. Видимо, проблему качества дорог отчасти я подозревал уже тогда: в память врезалась типичная картина асфальта, присыпанного слоем мелких камушков – идеальные условия для того, чтобы машина, как на горохе, поскользнулась прямо в пропасть. Но ничего такого не случилось: водитель газовал, и сдвоенные колёса «выбрызгивали» камушки из-под себя и обретали надёжное сцепление с асфальтом или его подобием.

В Армении одна по-настоящему хорошая дорога – от Еревана до озера Севан. Озеро, конечно, горное, но дорога проложена безо всякого серпантина вдоль русла реки Раздан. Примерно как от Алма-Аты до Медео. Итак, нас повезли на Севан. Нам уже сообщили с придыханием, какое важное значение для экономики республики имеет каскад ГЭС на Раздане, и что промежуточным (временным!) итогом стало понижение уровня воды а Севане на сколько-то метров. В этом мы наглядно убедились, прибыв на место. Остров с «замком» на скале (вообще-то это – загородный дом отдыха творческих работников) превратился в полуостров.

Появился песчаный пляж, которому мы очень обрадовались – пожалуй, не менее, чем возможности наспех искупнуться в Чёрном море. Вода – почти нестерпимо холодная, песок – столь же обжигающий, но мы с наслаждением отдались контакту с обеими субстанциями. Это был первая (и единственная за поездку) возможность увидеть наших девочек в купальниках. Благодаря подкожному жирку Чибя легче справлялся с перепадами температуры, к тому же ему, в отличие от меня, не требовались очки, так что он имел более полную возможность оценить округлости и плавность линий девичьих фигурок. И сообщал вполголоса о своих наблюдениях, пока я трясся от холода и зарывался в горячий песок.

С первого дня пребывания в Ереване мы слышали про какой-то Монумент. Наши дирики посчитали тему достаточно щекотливой, сами всё хорошенько разузнали и собрали нас специально, чтобы донести до нашего сведения верную информацию с партийных позиций. Пожалуй, оно того стоило: ведь речь шла о сносе самого крупного в СССР памятника Сталину. И снесли-то его довольно поздно, в 1962 году, за полтора года до нашей поездки. Особенно дирики напирали на несостоятельность слухов о многочисленных жертвах, что танки, мол, применяли не против грузин, пытавшихся помешать демонтажу, а для самого демонтажа, т.к. снять скульптуру с высокого пьедестала краном можно, но долго, а делать надо было быстро...

А я рассказал тем, кто не в курсе, более-менее аналогичную историю, произошедшую в Новокузнецке несколькими годами раньше. Перед входом во Дворец культуры металлургов симметрично стояли скульптуры Ленина и Сталина. Однажды фигура Сталина исчезла – её сняли ночью. Мы с пацанами ещё гадали, поставят ли Хрущёва на это место. Но через несколько дней исчезла фигура Ленина, и симметрия была восстановлена; вместо статуй поставили какие-то вазы. Особого потрясения от этого сноса я не испытал: разговоров о культе личности Сталина было достаточно, а сам снос я не наблюдал. Но история имела продолжение. В то лето отменили плату за вход в Сад металлургов, и мы, пацаны, туда отправились и по обыкновению облазили все закоулки. Ведь раньше мы бывали там только с родителями, нас водили по аллеям, и закоулки оставались неисследованными. Так вот, мы нашли повергнутого Сталина в правом дальнем углу Сада, буквально под забором, заваленного старыми транспарантами и ветками от тополей. Вот это был шок! Любопытство боролось с кладбищенским страхом, выручало воображение, которое по отдельным торчащим деталям восстановило общую картину. Ленина там не было<sup>2</sup>, но лежали обломки нескольких разновеликих фигур Сталина, собранных со всего района или города. А через пару дней от кучи ничего не осталось.

Монумент в Ереване обрёл новое содержание. Несколько лет пьедестал оставался пустым, а потом на него водрузили столь же гигантскую фигуру – «Мать-Армению», с мечом и такими же мощными руками, как у Давида Сасунского, но без коня.

Тбилиси

Дорогу до Тбилиси не помню – видимо, ехали ночным поездом. Наиболее сильное впечатление от города – большое скопление праздных людей на проспекте Шота Руставели и других улицах, начиная с раннего вечера и допоздна. Позже я нечто подобное видел в Тегеране – но в Тегеране днём очень жарко, и люди выходят в сумерках ради прохлады целыми семьями. А в Тбилиси это были почти сплошь молодые парни, поголовно все в белых рубашках. Никаких женщин – ни в одиночку, ни стайками, разве что под руку с мужем, и то очень редко. Со всех сторон – громкие разговоры и смех, и в каждой фразе словечко «ара!»; буквальный перевод означает вопросительное «нет?», а по смыслу – «перехожу на приём» или «скажи, что ты меня понял», как-то так. И здесь мы занялись изучением нового алфавита и новых слов – ну, это привычное дело!

Облик города запомнился, но описывать его затрудняюсь; скажу только, что узнавал знакомые места в фильмах киностудии «Грузияфильм», но и это было уже давно. Вспоминаю молодую Софику Чиаурели в музыкальном фильме «Мелодии Верийского квартала» – улицы старого города те же, что мы видели воочию.<sup>3</sup>

---

<sup>2</sup> По не проверенным мною данным, статую Ленина поставили в Зенковском парке.

<sup>3</sup> Свежий криминальный роман «Чёртовое колесо» тоже пробудил кое-какие визуальные воспоминания.

Что ещё? Те же горные серпантины с плохим асфальтом, те же «носатые» автобусы и лихие водители. Каменные храмы, похожие на армянские аналоги расположением среди диких гор, но отличающиеся от них контурами зданий.

Кисловодск

«Путёвочная» часть путешествия заканчивалась на тбилисской турбазе, и обратный путь был выбран взрослыми с учётом недавнего пуска нового прямого поезда «Кисловодск – Новокузнецк» – ну и правильно! Впрочем, путешествие по знаменитой Военно-Грузинской дороге через перевал Крестовый мог предложить наш дирик, по совместительству географ. Красоты я принципиально не описываю – после Пушкина и Лермонтова это безнадёжное дело. Скажу лишь, что обрадовались снегу среди лета. В Кисловодск прибыли в темноте. Помню фонари, освещавшие улицу из-под крон незнакомых деревьев, и обилие малых архитектурных форм как признак курорта. Наши дирики озаботились, чем бы накормить «детей», так как было уже поздно, всё закрыто; нашли кафешку и вели долгие переговоры. Наконец, нас пустили. Впервые попробовал и навсегда запомнил суп-харчо: много красного перца, разваренный рис, осколки бараньих костей с остатками мяса и охалка измельчённой зелёной травы, брошенная сверху. Видимо, было и «второе», и «третье» – что-нибудь обычное. Где-то надо было переночевать – как-то вышли из положения, но как, ничего не помню. Уж не в школу ли какую-нибудь напросились<sup>4</sup> два директора новокузнецких школ?

На некоторое время мы в Кисловодске задержались: пили минеральную воду из фонтана, посетили известный из «12 стульев» Провал, пародировали гнусавыми голосами Кису Воробьянинова: «Гебен зи мир битте айн штук брод...». Но всё это могло произойти в течение одного дня.

Когда билеты были на руках, наши дирики решили дать себе отдых. Они назначили дежурных понадежнее и удалились. Добровольцы отправились шпионить и, скоро вернувшись, доложили: «Кируют!». Женя фыркнула, Таня нахмурилась, Рыжий похлопал глазами; все загалдели, но ненадолго: мы единодушно заключили, что дирики имеют на то полное право.

(2014)

---

<sup>4</sup> Это вполне возможно, но моя догадка «опирается» на более поздний факт. Когда в 1967 году я в составе совершенно другой компании впервые оказался в Алма-Ате, у меня в голове было наготове конкретное решение: нужно попроситься в школу, в спортзал, и переночевать на матах.